

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.68>

Трифанова Светлана Сергеевна

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЖАРГОН В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются функциональные возможности новозеландского тюремного жаргона. Отмечается, что функционирование исследуемой социально детерминированной формы новозеландского национального варианта английского языка обусловлено как ее экзистенциальными особенностями, так и потребностями тюремного сообщества Новой Зеландии. Выявлено, что данный социально-корпоративный жаргон выполняет три ключевые функции - коммуникативную, эмоциональную и когнитивную, каждая из которых дифференцируется на отдельные, частные подфункции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/68.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 320-325. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

27. **Hodgson G. M.** The economy as an organism – not a machine [Электронный ресурс] // *Futures*. 1993. Vol. 25. Iss. 4. P. 392-403. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/001632879390002B> (дата обращения: 14.09.2019).
28. **Schwengel H.** Emerging powers as fact and metaphor: Some European ideas [Электронный ресурс] // *Futures*. 2008. Vol. 40. Iss. 8. P. 767-776. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016328708000335?via%3Dihub> (дата обращения: 14.09.2019).
29. **Scollon R., Scollon S. W.** *Intercultural communication: A discourse approach*. Oxford – Cambridge: Blackwell Publishers, 2001. 369 p.
30. **The Wall Street Journal** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/itp> (дата обращения: 10.09.2019).

METAPHOR IN THE ENGLISH-LANGUAGE ECONOMIC DISCOURSE: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

Litvinenko Elena Yur'evna, Doctor in Sociology, Professor
Fedorova Larisa Yur'evna, Ph. D. in Sociology
Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk
denis.rimma@mail.ru; fluid2@yandex.ru

The article examines the communicative and pragmatic potential of a metaphor in economic discourse. The research objective is to identify the types of metaphors in the English-language publicistic texts of economic orientation and to describe the specificity of their realization. The originality of the study is conditioned by the necessity to study the metaphor as an efficient mechanism of communication and a discourse-formative factor. The research findings allow the authors to identify the basic sources of metaphors and to reveal their modifications in economic discourse.

Key words and phrases: economic discourse; metaphor; sphere-source; pragmatics; communication; zoomorphism; communicative and pragmatic potential.

УДК 811.11-112

Дата поступления рукописи: 01.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.68>

В статье рассматриваются функциональные возможности новозеландского тюремного жаргона. Отмечается, что функционирование исследуемой социально детерминированной формы новозеландского национального варианта английского языка обусловлено как ее экзистенциальными особенностями, так и потребностями тюремного сообщества Новой Зеландии. Выявлено, что данный социально-корпоративный жаргон выполняет три ключевые функции – коммуникативную, эмоциональную и когнитивную, каждая из которых дифференцируется на отдельные, частные подфункции.

Ключевые слова и фразы: новозеландский национальный вариант английского языка; новозеландский тюремный жаргон; тюремная субкультура; лингвистический ареал; языковая функция.

Трифанова Светлана Сергеевна, к. филол. н.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
tss7-lion@yandex.ru

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЖАРГОН В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Новозеландский тюремный жаргон – устойчивая социально обусловленная форма в рамках макросистемы новозеландского национального варианта английского языка (New Zealand English, NZE), которая объединяет лексемы из речевого репертуара носителей тюремной субкультуры с различной степенью этико-стилистической сниженности и инвективности, называющие специальные, реже – обычные для тюремного социума предметы, признаки, процессы и явления действительности, и создает ситуацию частичной лексической диглоссии.

Основная **цель** исследования состоит в выявлении и описании функциональных возможностей тюремного жаргона новозеландского лингвистического ареала на лексико-семантическом уровне. К **задачам**, способствующим достижению данной цели, относятся рассмотрение и уточнение особенностей употребления единиц лексико-фразеологической системы тюремного жаргона NZE в трех функциональных планах – коммуникативном, когнитивном и эмоциональном. **Актуальность** темы определяется растущим интересом к изучению как общих, так и частных аспектов социальных вариантов полинационального английского языка. **Научная новизна** работы заключается в том, что ней впервые предпринята попытка определения функционального потенциала малоизученного в отечественной лингвистике новозеландского тюремного жаргона согласно классификационной модели в виде трех базовых языковых функций с последующей их дифференциацией на более частные подфункции.

Исследование проводилось на материале словаря новозеландского тюремного жаргона под редакцией Д. Лузер [10], насчитывающего в общей сложности 3000 лексических единиц (ЛЕ) и охватывающего период с 1996 по 2000 гг. В качестве основных методов выступили научно-теоретический анализ концепций и подходов; компонентный анализ (для описания содержательной стороны тюремных жаргонизмов NZE); семиологический анализ (для выявления лексико-семантических объединений в структуре рассматриваемого явления); социолексикографический анализ словарных статей.

В работе в качестве основополагающей принимается предложенная Н. А. Слюсаревой классификационная модель четырех основных функций языка – коммуникативной, эмоциональной, когнитивной и метаязыковой [5, с. 20-21]. Остановимся подробно на первых трех, каждая из которых дробится далее на дополнительные (вторичные) субфункции.

Коммуникативная функция тюремного жаргона NZE проявляется в использовании последнего в качестве важнейшего средства общения представителей тюремного социума и включает в себя ряд второстепенных, имеющих подчинительный характер подфункций: информационно-коммуникативную, конспиративную, компрессивную, лингвокреативную, интеграционную и идентификационную.

Информационно-коммуникативная подфункция

В процессе общения заключенных происходит передача неформальных норм и ценностей, в совокупности образующих систему убеждений – арестантский кодекс чести, регламентирующий поведение лица в социуме согласно четырем основным канонам, запрещающим доносить (**no narking**), воровать у сокамерников (**no tealeafing**), поддерживать дружеские отношения с администрацией (**no scabbing**) и лгать о характере совершенного преступления (**no lying about the nature of ones' crime**). Так, тюремный жаргон выступает в качестве важного способа, посредством которого происходит распространение и привитие перечисленных идейных принципов [9, р. 27].

Конспиративная подфункция

Сфера употребления тюремного жаргона NZE не ограничивается лишь средой заключенных. Сотрудники полиции и пенитенциарных учреждений также имеют представление о нем и могут использовать в речи. Различают две разновидности исследуемого социально-корпоративного жаргона – открытую и закрытую. Тюремный жаргон открытого типа (*open argot*) объединяет распространенные во многих новозеландских тюрьмах и достаточно употребительные на протяжении длительного времени как заключенными, так и персоналом лексемы. Некоторые из них могут функционировать в зарубежных тюремных жаргонах, проникать в лексические подсистемы менее замкнутых криминальных субкультур, отличаться тенденцией перехода в разряд общеупотребительных. Тюремный жаргон закрытого типа (*closed argot*) охватывает субстандартные единицы, которые используются исключительно представителями данной субкультуры. В большинстве случаев такие ЛЕ создаются с целью совершения определенного преступного деяния. Как правило, эти лексемы носят временный, неустойчивый характер, быстро выходят из употребления или замещаются новыми синонимичными эквивалентами [Ibidem, р. 29-30].

Компрессивная подфункция

Тюрьму как тотальный институт отличают следующие важнейшие особенности: общее физически ограниченное пространство, осуществление совместной деятельности и подвластность единой системе поощрений и наказаний. Из этого следует, что тюремный опыт заключенных имеет под собой схожую основу. Использование кодифицированного литературного языка в процессе коммуникации не может удовлетворять всем потребностям заключенных и требует больших временных затрат, что неизбежно приводит к созданию в тюремном жаргоне более коротких эквивалентов стандартного языка [Ibidem, р. 30]. Принцип экономии речевых усилий материализуется в наличии сокращенных наименований, которые могут быть образованы с помощью минимального набора языковых средств в результате следующих процессов [8]: а) инициальной аббревиации: **VO** (< *violent offender*) [10, р. 199] ‘лицо, совершившее насильственные преступления’; б) абброморфемной деривации: **Ts** (< *temgesics*) [Ibidem, р. 23, 70] ‘темгезик’ (наркотический анальгетик); в) эллипсаци: **previous** (< *previous convictions*) [Ibidem, р. 145] ‘судимость’; г) контаминации: **dogster** (< *dog + mobster*) [Ibidem, р. 59] ‘член банды «Монгрел Моб»»; д) комбинированного словообразования: **Aro** (< *Arohata Women's Prison*) [Ibidem, р. 7] ‘женская тюрьма «Арохата»’ (сочетание абброморфемного усечения с эллипсацией).

Компрессивная подфункция новозеландского тюремного жаргона проявляется также за счет употребления просторечных лексем-универбов, в терминологии Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова представляющих собой субстандартные единицы, для которых в литературном языке не существует однословных синонимов. Интерпретация словарной дефиниции универба носит дескриптивный или энциклопедический характер. Денотативный и коннотативный компоненты значения таких лексем сосуществуют в равных соотношениях. Ввиду того, что универбы являются самостоятельными единицами номинации, они не имеют соответствий, обладают устойчивостью и возможностью перехода на уровень литературного стандарта [2, с. 83-84], ср.: **work parade** [10, р. 135] ‘правило внутреннего распорядка, согласно которому заключенные выстраиваются в ряд или группами перед началом выполнения утренних работ с тем, чтобы начать движение организованно’.

Универбы функционируют наряду с аналогами. Данное разделение осуществляется в зависимости от наличия/отсутствия у них семантической связи с кодифицированными ЛЕ. В отличие от универбов, у аналогов коннотативный компонент в структуре лексического значения преобладает над денотативным. Аналоги пополняют имеющиеся синонимические ряды, способствуя тем самым семантической избыточности [Ibidem], ср.: **нож** (a knife): *blade, brush, dolly, flick, iron, muscle, point, shank, shiv, shivvy, shorty, steel, stick, tool, white-board marker* [Ibidem, р. 19, 31, 59, 70, 93, 121, 142, 163, 165, 166, 177, 178, 191, 202].

Лингвокреативная подфункция

Уточним, что под *лингвокреативностью* рассматривается «творческая двусторонняя способность носителя соответствующего языка (1) создавать из заложенных в этом и других языках материальных средств и конструктивных механизмов новообразования на всех лингвистических уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и дискурсивном)... и (2) реализовать эти инновации в процессе интеракции-коммуникации...» [4, с. 32-33].

Лексемы неузуального характера усиливают эмоциональную выразительность речи, придают ей юмористическую (ироническую) окраску, помогают отвлечься от тяжелой реальности и однообразия тюремной жизни, дают возможность снизить избыточное нервно-психическое напряжение, высмеивать представителей тюремной администрации. Более того, словесные состязания – один из способов поднять или сохранить статус заключенного среди сокамерников [9, р. 31]. Лингвокреативная подфункция тюремного жаргона NZE интегрирует в себе еще более частные подфункции – экспрессивную, эвфемистическую, оценочную, манипулятивную, самоутверждения, создания комического эффекта и др.

Лингвокреативные способности представителей тюремной субкультуры реализуются через языковую игру, подразумевающую отклонение от языковой нормы вследствие асимметрии языкового знака, и могут проявляться в использовании таких деривационных механизмов, как: а) эвфемизация: **client** [10, р. 44] ‘заключенный’; б) метафоризация: **bullet** [Ibidem, р. 33] ‘шприц для подкожных инъекций’; в) аллитерация: **fingers freddie** [Ibidem, р. 68] ‘вор’; г) рифмованный сленг: **pineapple chunk** (= cell bunk) [Ibidem, р. 140] ‘спальное место в тюрьме’; д) аллюзия: **to do a John Walker** [Ibidem, р. 96] ‘совершить побег из тюрьмы’ (Джон Уолкер – новозеландский легкоатлет, завоевавший золотую медаль на дистанции 1500 метров на Олимпиаде в Монреале в 1976 г.).

Интеграционная и идентификационная подфункции

Знание и употребление тюремного жаргона играет важную роль в процессе идентификации личности в качестве заключенного исправительного учреждения Новой Зеландии, а также в проявлении солидарности по отношению к сокамерникам. Отказ осваивать тюремный язык неизбежно приводит к обособлению и отчуждению, а в некоторых случаях подразумевает нежелание ассоциироваться с преступником и интегрироваться в тюремное сообщество. В свою очередь, отождествление самого себя с заключенным помогает индивиду приблизиться к той или иной социальной группе, участники которой в условиях принудительной изоляции готовы оказать друг другу практическую помощь и эмоциональную поддержку. Подобные объединения стремятся иметь свой узкоспециализированный лексикон в дополнение к общему для большинства заключенных тюремному жаргону. Члены преступных сообществ в силу прочных внутренних связей и рьяного противостояния другим бандам создают собственную «терминологию» в целях идентификации и поддержки представителей своей группировки. Например, участники этнической банды «Монгрел Моб» используют в процессе коммуникации отдельный лексикон «Монгрел», где ключевые лексемы оказываются релексикализованными, т.е. замещенными эквивалентами, содержащими в своей структуре сему ‘dog’ [9, р. 25-26], ср.: **dog** (= член банды, мужчина), **bitch** (= женщина), **puppy** (= ребенок), **kenel** (= камера). Более того, в цветоименованиях компонент ‘blue’ заменяется на ‘red’, поскольку последний является цветовым символом данной группировки: **out of the red** [10, р. 152] (вместо **out of the blue**) ‘неожиданно’, **once in a red moon** [Ibidem] (вместо **once in a blue moon**) ‘очень редко’, ‘случайно’. Так, тюремный жаргон выступает в качестве интегрирующего фактора и играет роль идентификационного маркера (identity marker) в процессе коммуникации [9, р. 25-26].

Когнитивная (гносеологическая) функция рассматриваемого социального варианта NZE проявляется в том, что он выступает в качестве средства познания окружающего (тюремного) мира через номинацию и категоризацию (классификацию).

Номинативно-классифицирующая подфункция – одна из основных функций тюремного жаргона любого исследуемого лингвистического ареала. Оказавшись в исправительном учреждении, человек вынужден адаптироваться к правилам внутреннего распорядка, неформальным нормам и ценностям, новым социальным отношениям. На данном этапе заключенный будет испытывать естественную потребность в номинации и категоризации (классификации) значительного количества неизвестных для него предметов, понятий и явлений тюремной реальности. Актуализация и закрепление окружающей действительности осуществляется посредством языка в процессе вторичной социализации, под которой в исследовании подразумевается «интернализация институциональных субмиров, приобретение ролеспецифичного знания. Помимо него человек обретает и неявное знание, оценки и аффективные корреляции его семантического поля». Полученные знания и навыки носят фрагментарный характер, поскольку первичная и вторичная социализация находятся в соотношении общего и частного [6, с. 180].

Освоение заключенным специального лексикона (role specific vocabulary) в процессе вторичной социализации будет происходить в соответствии с той социальной ролью (и, следовательно, характерной для нее моделью поведения – *примечание автора*), которую он будет играть в тюремном сообществе [9, р. 17].

Д. Лузер выделяет в лексико-фразеологической системе тюремного жаргона NZE семь основных неоднородных в плане внутренней организации и неравнозначных по объему семантических классов (semantic categories) слов, которые в номинативно-классификационном плане отражают наиболее актуальные для заключенных понятия и сферы интересов: ‘places and procedures’ (помещения и правила внутреннего распорядка исправительного учреждения), ‘figures of authority’ (представители тюремной администрации), ‘crimes and sentences’ (преступления и наказания), ‘inmate types and their relationships’ (типы заключенных и их взаимоотношения), ‘business activities’ (деятельность заключенных, связанная с получением прибыли и передвижением контрабандных товаров), ‘gang-related terms’ (лексемы, относящиеся к теме «преступная группировка»), ‘drug terminology’ (лексемы, относящиеся к теме «наркотики») [10, р. 208-218; 11, р. 1].

Объединим данные парадигмы в силу общности содержания, предварительно расширив их границы, в четыре основных лексико-семантических поля (ЛСП). Отметим, что в работе не предпринимается попытки привести однозначное определение и установить лингвистический статус ЛСП. Структуризация лексико-фразеологической системы тюремного жаргона NZE также не претендует быть единственно возможной.

Здесь под ЛСП рассматривается «иерархически организованная система лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определенную понятийную сферу». Семантическая общность элементов такой парадигматической группы может определяться как языковыми, так и внеязыковыми критериями [1, с. 236, 239]. Рассмотрим их более подробно.

- ЛСП «*Организация и обеспечение режима в исправительном учреждении*»

Здесь могут входить ЛЕ, относящиеся к порядку исполнения наказания в виде лишения свободы, условиям содержания в пенитенциарных учреждениях, безопасности заключенных и персонала и др., ср.: **on the carpet** [10, p. 37] 'подлежать дисциплинарному взысканию'; **fish tank** [Ibidem, p. 69] 'камера постоянного наблюдения за психически неуравновешенными и опасными заключенными'; **Dr Valium** [Ibidem, p. 62] 'врач-психиатр в тюрьме'.

- ЛСП «*Преступления и наказания*»

Данное ЛСП может охватывать слова и словосочетания, связанные с типологией преступлений и наказаний, процессами совершения различных правонарушений, привлечения к ответственности за них: **cup of tea** [Ibidem, p. 50] 'трехмесячный тюремный срок'; **to sandwich** [Ibidem, p. 158] 'приговорить преступника к пожизненному тюремному заключению'; **to hoist** [Ibidem, p. 88] 'совершить кражу со взломом'.

- ЛСП «*Структура тюремного сообщества*»

ЛСП может содержать лексемы, имеющие отношение к типологическим группам заключенных в зависимости от их индивидуально-психологических, возрастных, гендерных, расовых, этнических признаков, особенностей внешности, сексуальной ориентации, политических и религиозных убеждений, положения в неформальной тюремной иерархии, характера совершенного преступления, наличия или отсутствия наркотической (алкогольной) зависимости, субкультурной идентичности, связей с преступным миром, взаимоотношений с другими заключенными и представителями тюремной администрации и пр.: **colourblind** [Ibidem, p. 45] 'заключенный, поддерживающий тесные связи с чужой этнической группой'; **on the hook** [Ibidem, p. 90] 'отверженный', 'изгнанный'; **brown tongue it** [Ibidem, p. 31] 'заискивать перед администрацией с целью облегчить себе отбывание наказания'.

- ЛСП «*Сферы интересов и деятельности заключенных*»

ЛСП может быть образовано ЛЕ, указывающими на особо значимые области и род занятий представителей тюремной субкультуры: **shark** [Ibidem, p. 163] 'заключенный, который обманывает и предает сокамерников ради своей финансовой выгоды'; **kangaroo courted** [Ibidem, p. 97] 'заключенный, пойманный за воровство среди своих сокамерников'; **to keep catch** [Ibidem, p. 38, 217] 'быть настороже во время выполнения какой-либо незаконной деятельности в исправительном учреждении'.

ЛСП отличаются нечеткими границами и состоят из лексико-семантических групп (ЛСГ), образованных синонимическими рядами (СР).

Рассмотрим в качестве примера ЛСГ «сотрудник исправительного учреждения» ('prison officer'). Семантической основой данной ЛСГ является категориально-лексическая сема «осуществление исполнения наказания в виде лишения свободы начальствующим составом». Так, ядерная зона представлена лексемами: *babylon, boss, bum boy, dirty dog, dog, ducks and geese, four-by-two, garcon, hack, keyturner, lawyer, ninja turtle, pig, screw, shag, teacher, toy soldier, turnkey* [Ibidem, p. 10, 28, 33, 56, 58, 62, 73, 76, 83, 99, 106, 124, 140, 159, 163, 187, 192, 194]. Периферийная область ЛСГ включает ЛЕ, которые имеют в своей структуре следующие дополнительные дифференциальные семантические компоненты, например:

– служебные обязанности: **stink finger** [Ibidem, p. 178] 'сотрудник, который осуществляет ректальное обследование заключенного'; **testie boy** [Ibidem, p. 188] 'сотрудник, в чьи обязанности входит сбор мочи с целью обнаружения следов употребления наркотических средств';

– этническая принадлежность в сочетании с гендерными признаками: **black toast** [Ibidem, p. 19] 'сотрудница исправительного учреждения маорийского происхождения'; **white toast** [Ibidem, p. 203] 'сотрудница исправительного учреждения европейского происхождения'.

Эмоциональная функция тюремного жаргона NZE служит средством выражения чувств и эмоций участников коммуникации и реализуется через употребление соответствующей экспрессивно-оценочной лексики.

Для лексико-фразеологической системы тюремного жаргона NZE характерны два взаимосвязанных лексико-семантических процесса: (1) *релексикализация*, основанная на субституции лексем литературного языка тюремными жаргонизмами NZE, и (2) *сверхлексикализация*, вследствие которой кодифицированная ЛЕ может приобретать субстандартные эквиваленты-синонимы [7, с. 67; 9, p. 15-16]. В этом случае неизбежно возникает смысловая избыточность, посредством которой достигается повышенная выразительность и эмоциональность языка. Категоризация окружающей действительности для представителей тюремной субкультуры носит свою специфику, свои, имеющие первостепенное значение области притяжения – «центры синонимической аттракции» [2, с. 80], вокруг которых фокусируются многочисленные СР. Чем большей значимостью для социальной группы обладает та или иная понятийная сфера, сущность которой на лексико-семантическом уровне передается при помощи конкретных доминант, тем продуктивней будут образующиеся вокруг них ряды (чаще экспрессивных) синонимов. Так, к одной из наиболее актуальных номинативных доминант в исследуемом материале можно отнести лексему '**prison**' (тюрьма), ср.: *birdcage, boob, boot hill, can, country club, dump, fitness center, four star hotel, goal, hard rock café, health camp, her majesty's holiday camp, her majesty's hotel, her majesty's motel, hinaki, holiday camp, holiday home, holiday resort, Hotel California, joint, kupenga, lickerland, quad, quod, Queen Elizabeth's motel, stalag, stir, tank, the big house, the calaboose, the chateau, the Hilton, the hole, the Queen's arse, the Ritz, whorehouse* [10, p. 17, 18, 23, 27, 36, 41, 46, 63, 69, 73, 78, 84-90, 96, 102, 107, 150, 154, 176, 178, 184, 203] (36 ЛЕ).

В исправительном учреждении человек сталкивается с социальной и психофизиологической депривацией, вызванной внутренней неудовлетворенностью в плане общественного признания, отсутствием материальных ценностей, гетеросексуальных отношений, самостоятельности и гарантии личной безопасности. Представляя наивысший приоритет в местах лишения свободы, данные аспекты будут являться основополагающими в процессе установления заключенными социальной роли лица, с последующим присвоением ему соответствующего имени [12, p. 85-86, 106]. Наименования таких ролей также могут быть представлены достаточно продуктивными СР. Так, вокруг лексем с доминантами «осведомитель» [7, с. 66], «гомосексуалист» и «растлитель малолетних» сконцентрированы самые многочисленные СР – 39, 37 и 35 ЛЕ соответственно. Приведем здесь в качестве примера синонимический ряд с доминантой «гомосексуалист»: *anal astronaut, anal avenger, back door bandit, backdoor man, bowl of fruit, brown rings, bum boy, catcher, chocolate log, chutney ferret, cow's hoof, dirt track rider, donut puncher, felcher, filler, foreskin sausage, gonzo, gravy train rider, horse's hoof, mud track rider, new kid on the block, nonce, nut roll, pin pusher, poo-hole pirate, rectal ranger, shit digger, shit pusher, sword-fighter, tail gater, tail gunner, turd bender, turd burglar, uphill gardener, woolly woof, woolly woofier* [10, p. 7, 11, 28, 31, 33, 38, 42, 47, 56, 60, 67, 68, 72, 80, 81, 90, 123, 125, 127, 141, 143, 151, 164, 182, 184, 194, 196, 204].

К частным разновидностям эмоциональной функции можно отнести две подфункции: воздействия (навязывания поведенческого устава) и эмоционально-психологической разрядки. Рассмотрим их более подробно.

Подфункция эмоционально-психологической разрядки

Уменьшение напряжения происходит путем выброса накопившихся негативных эмоций. В исследуемой жаргонной лексике присутствует значительное количество эмоционально-окрашенных лексем, этико-стилистическая вариативность и инвективность (сниженность) которых образует континуум из семи градаций в порядке возрастания, т.е. усиления инвективы.

Уточним здесь понятие инвективы, под которой в работе рассматривается «любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности, эмотивности и эзотеричности по направлению к участнику коммуникативного акта... к ситуации, теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением только субстандартных лексических единиц различной степени этико-стилистической сниженности». Этико-стилистическая дифференциация и инвективность проявляется в сопутствующем (коннотативном) значении сниженных единиц и устанавливается с помощью дефиниций и этико-стилистических помет в словарях субстандартной лексики [3, с. 146-148], что дает возможность выявить континуум инвективности тюремных жаргонизмов NZE, расположенных в нарастающем порядке в зависимости от эмотивной семантики этико-стилистических маркеров: а) *шутливо-ироническая инвектива: tucker fucker* Humorous term for an inmate who works in the kitchen [10, p. 194] ‘заключенный, работающий на кухне’; **on tour** on a transfer to another prison [ironic] [Ibidem, p. 192] ‘переводиться из одной тюрьмы в другую’; б) *саркастическая инвектива: the Ritz* n. a prison [sarcastic; after the luxury London hotel] [Ibidem, p. 154] ‘тюрьма’; в) *снижительно-пренебрежительная: defective* n. a detective [derogatory] [Ibidem, p. 54] ‘следователь’; г) *насмешливо-оскорбительная: shithead...* a skinhead gang-member [a derisive play on ‘skinhead’] [Ibidem, p. 164] ‘скинхед – член преступной группировки’; д) *грубая инвектива: thing* n. a person displaying socially unacceptable or ‘subhuman’ behaviour [insulting] [Ibidem, p. 188] ‘человек, демонстрирующий социально неприемлемое или недостойное поведение’; е) *агрессивно-оскорбительная инвектива: not the one...* (of an object, event or person, esp. an inmate's personality or behaviour) offensive or substandard [Ibidem, p. 130] (используется в качестве оскорбления); ж) *оскорбительно-вульгарная инвектива: dog shit* n. 1 an abusive name for a Member of the Mongrel Mob gang [Ibidem, p. 59] ‘член банды «Монгрел Моб»’.

Подфункция воздействия (навязывания поведенческого устава)

Тюремный жаргон используется в качестве инструмента для осуществления социального контроля над членами тюремной общины. В пенитенциарном учреждении это достигается в большинстве случаев при помощи кодекса норм поведения, который вербализуется в тюремном жаргоне за счет номинативно-экспрессивных средств. Так, к примеру, на заключенного, нарушившего запрет доносить, автоматически навешивается ярлык осведомителя (**nark**) [Ibidem, p. 122], вследствие чего он становится одной из самых презируемых фигур в тюремном сообществе. Выражение **‘put on the coat’** [Ibidem, p. 44-45, 214] применяется к лицу, которое все сознательно игнорирует на протяжении определенного периода, иногда вплоть до истечения срока отбывания наказания, в этом случае намеренное отсутствие коммуникации делает заключенного еще более эмоционально зависимым [9, p. 27-28].

Итак, проведенный анализ позволил выявить и систематизировать функциональные возможности малоизученного в отечественной лингвистике новозеландского тюремного жаргона на лексико-семантическом уровне, который выполняет три базовые и в то же время взаимодополняющие функции – служит средством коммуникации, познания и выражения чувств и эмоций. Установлено, что функциональный потенциал тюремного жаргона NZE определяется не только его языковыми характеристиками (тенденцией к семантической избыточности, ярко выраженной экспрессивности, сниженности и инвективности, компрессии и лингвокреативности), но и внеязыковыми особенностями (социально-психологическими потребностями новозеландского тюремного сообщества). Предлагаемый алгоритм комплексного описания функциональных особенностей данного социального варианта языка может применяться при исследовании аналогичных социально-корпоративных жаргонов других лингвистических ареалов.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 368 с.
2. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. М.: Либроком, 2010. 138 с.
3. Коровушкин В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа): монография. Череповец: ГОУ ВПО «ЧГУ», 2008. 167 с.
4. Коровушкин В. П., Фалоджу Дж. О. Лингвокреативный потенциал нигерийско-английского пиджина как проявление современной социально-языковой ситуации в Нигерии // Уральский филологический вестник. 2013. Вып. 3. С. 32-42.
5. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981. 206 с.
6. Смирнова Н. М. От социальной метафизики к феноменологии «естественные установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). М.: ИФ РАН, 1997. 222 с.
7. Трифанова С. С. О семантических особенностях номинации в новозеландском тюремном жаргоне (на примере лексико-семантической группы «заключенный») // Научный диалог. 2018. № 11. С. 63-75. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-63-75.
8. Трифанова С. С. О способах образования сокращенных наименований в новозеландском тюремном жаргоне // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. № 9 (41). С. 23-28.
9. Looser D. Boobslang: A lexicographical study of the argot of New Zealand prison inmates, in the period 1996-2000: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in English. University of Canterbury, 2001. Vol. I. 156 p.
10. Looser D. Boobslang: A lexicographical study of the argot of New Zealand prison inmates, in the period 1996-2000: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in English. University of Canterbury, 2001. Vol. II. 235 p.
11. Looser D. Investigating boobslang // NZWORDS. 1999. № 2. P. 1-3.
12. Sykes G. M. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2007. 161 p.

NEW ZEALAND PRISON JARGON IN THE FUNCTIONAL ASPECT

Trifanova Svetlana Sergeevna, Ph. D. in Philology

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
tss7-lion@yandex.ru

The article examines the functional potential of New Zealand prison jargon. It is shown that the functioning of this socially determined form of New Zealand English is conditioned both by its existential features and the needs of New Zealand prison community. The conclusion is made that this corporate social jargon performs three basic functions (communicative, emotional and cognitive ones), each of which can be subdivided into individual, specific sub-functions.

Key words and phrases: New Zealand English; New Zealand prison jargon; prison subculture; language areal; language function.

УДК 81'373.46

Дата поступления рукописи: 07.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.69>

Цель работы – выявление метафорических моделей при образовании медицинских терминов. Научная новизна заключается в том, что на основе практического материала приводится классификация продуктивных метафорических моделей образования медицинских терминов. Полученные результаты показали, что метафорический перенос в ряде случаев осуществляется за счет разрыва семантических связей. Выделены группы метафорических терминов среди зависимых и независимых словосочетаний, а также слов-терминов, которые образуются, исходя из признака на основе метафорической модели. Приводятся интернациональные термины, образованные по метафорической модели.

Ключевые слова и фразы: метафора; термин-метафора; терминосистема; медицинские термины; метафорическая модель; терминогенез; терминологическая лексика.

Хакиева Залиха Усмановна, к. филол. н., доцент
Чеченский государственный университет, г. Грозный
Zalikh_khakiyeva@mail.ru

Зекиева Петимат Масудовна, к. филол. н.
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
sekieva@mail.ru

Абдулхаджиева Марьям Руслановна
Чеченский государственный университет, г. Грозный
17101996x@gmail.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ

В настоящей статье рассмотрены термины медицинской сферы, что вызвано стремительным развитием сотрудничества между учеными различных стран, в том числе в области медицины. **Актуальность** темы